

Рядом с сердцем

БОЛЬШЕ 60 ЛЕТ ВЕТЕРАН НОСИТ В ГРУДИ ОСКОЛОК

– Меня крестили в день пророка Ильи, – улыбается он.

– Этот святой почитается как покровитель Омска. Ваш день рождения и празднование основания города совпадают по времени.

Илья Иванович Зубов – человек удивительный. «Дед, ты у нас легенда», – нет-нет да и скажет ему внук.

Я сразу попадаю в ауру его повествования. За свою жизнь он часто рассказывал о своей жизни и судьбе. Да, он человек-легенда, полный кавалер ордена Славы. Но и в сотый раз он вновь и вновь возвращается туда, в свою молодость, в те сороковые-роковые. И я слушаю его рассказ. А он еще раз проживает то время, но уже с позиций дня сегодняшнего. Иногда кажется, что собеседник как бы поглядывает со стороны на того восемнадцатилетнего мальчишку, который в начале войны ушел на фронт добровольцем.

В разведку хочешь?

Воспоминания его – редкостные. Мы привыкли, что нам рассказывают о подвиге как о чем-то абстрактном. А он неторопливо повествует о своей фронтовой жизни, о том великом и суровом времени. И узнаешь столько подробностей, столько правды о той, самой кровопролитной, войне. Как сказал поэт, «ведь кроме желания выжить, есть еще мужество жить». И я слушаю, как Илья Зубов жил на войне. И временами кажется, что между тем молодым, красивым парнем и сегодняшним седым мужчиной не только годы и десятилетия, а целая эпоха. И на меня смотрят два разных человека – тот, с кем свела меня профессия, и совсем другой – с военной фотографии. Но в глазах и того, и другого – отблески прошедшей войны.

– Когда началась война, Речной техникум, где я учился, перевели в Тобольск. Мы думали, что война быстро закончится. В ноябре мы, двенадцать парней судомеханического отделения, пошли в военкомат, попросились на фронт. Мы тогда не окончили даже третий курс. И только одного из нас не взяли по состоянию здоровья. Так для меня началась война. Из Тобольска до Тюмени – пешком. В Тюмени нас погрузили в телячьи вагоны, довезли до станции Иня Новосибирской области, где потом и будет сформирован отдельный лыжный батальон. А потом – в Подмосковье, где началось контрнаступление наших войск. Зима суровая была. Мы быстро выдохлись. Продуктов не хватало. Сухарей – 200 грамм на неделю.

Илья Иванович почему-то называет противника емким и безликим словом «он». Может, пережив войну, противника не хочется даже врагом называть?

– Он, как правило, деревню займет, а мы в лесу. Днем он не давал даже костер развести. Сразу стрелял из минометов. А потом нашей стрелковой роте дали приказ взять населенный пункт. Но где там, он вооружен до зубов. Наступление захлебнулось, нас закидали из минометов. Меня в том бою тяжело ранило, сразу в ногу, в плечо и в легкие.

Это случилось 7 марта 1942 года. Илья Зубов попал сначала в госпиталь в Москве, а долечивался уже в Алтайском крае, на станции Топчиха.

– Но мы молодые, когда стали выздоравливать, вечером шипку в окне выставляли – и на танцы к девушкам. А когда это обнаружили, то нас выписали досрочно. После госпиталя направили в Ленинск-Кузнецкое пулеметное училище. На построении спрашивают: «Кто был на фронте – шаг вперед!». Вопрос ко мне: «Откуда?».

– Сибиряк.

– В разведку хочешь?

Конечно же, я хотел в разведку. Романтика!

Так Илья Зубов попал в разведроту 24-й Отдельной Гвардейской дивизии. В этой роте он и закончил войну в Восточной Пруссии на берегах Балтийского моря.

На войне как на войне

– Сталинград, Дон, Украина, Донбасс, Севастополь... Под Севастополем нашей группе было дано задание взять «языка» или принести документы. Немец занял оборону, где наши восемь месяцев стояли насмерть. Очень сложно было. Я в то время ходил уже старшим группы, по званию – старший сержант. Живого «языка» нам не удалось взять, а документы мы принесли. А когда стали отходить, он стал нас гранатами поливать. Тогда я тоже получил осколочное ранение. А потом – Прибалтика, Восточная Пруссия. Стал уже помощником командира взвода.

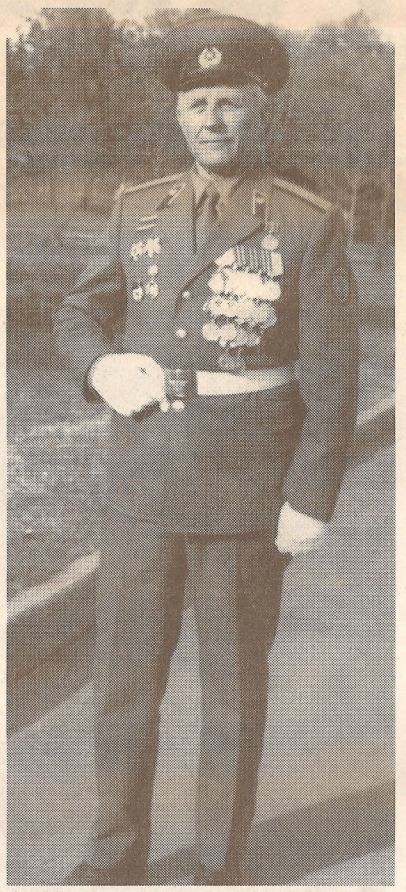
– Когда вы получили ордена Славы?

– Орден Славы третьей степени я получил за Севастополь, второй орден – в Прибалтике, первой степени – в Восточной Пруссии... Когда погнали немцев уже по Украине, надо было стремительно передвигаться. За сутки 70–80 километров отшагаешь, и ничего. На фронте в начале войны трудно было со снабжением. Но начиная со Сталинградской битвы все наладилось, и обмундирование получали, и теплую одежду. Когда промышленность перестроилась на военное производство, уже легче стало. В студенчестве у нас тренер хороший был, на соревнованиях занимали призовые места. Боксом я увлекался. Это и на фронте пригодилось. Когда «языка» берешь, эта операция поиском называется, там закалка нужна. Приходилось и рядовых брать, и офицеров.

Когда оборона – нам работа. Когда наступление, мы продвигаемся вперед. Допустим, дали задание взять «языка». Наблюдаем, узнаем обстановку. Сначала приходишь на наблюдательный пункт полка, обо всем расспрашиваешь. Потом идешь в стрелковую роту, там узнаешь обстановку. И наблюдаешь за ситуацией сутки, иногда двое. Вот, к примеру, под Мелитополем, у речки с чудным названием Молочная. Накануне группа сходила в разведку – неудачно. Даже потеряли одного разведчика. А там предгорье и противотанковый ров. Мы пошли в другое место, перешли речку бродом. Обычно идет группа человек восемь, не больше. Нейтральная полоса – полтора километра. Ночь. Он до трех часов ракеты пускает. Подошли ко рву. А там, где-то в пятнадцати метрах от него – часовой ходит. Спустились в ров, поднялись на стенку. Нас не видно. Подошли двое, вижу, у одного пистолет в руках. Мы притаились. Они посмотрели-посмотрели, и ушли. А этот там так и ходит. Мы его схватили, и через ров. Привели в часть. Дня два отдохнешь, и опять в разведку. В следующий раз пошли в другое место, не по противотанковому рву, а вдоль. Уже перед рассветом подходим к речке, смотрим, два пулеметчика спят. Скрутили их и вместе с пулеметом привели.

Конечно, если сломя голову все делать, не обдумывать, потери будут. Но у нас был закон – не оставлять погибших на вражеских укреплениях. Иногда не удавалось задание выполнить. Дня три ходишь, втык от начальства получишь, отдохнешь, и снова идешь. Эпизодов много разных было. Помню, в Запорожье на нейтральной полосе росли арбузы. Был у нас один разведчик Петр Гуцол, здоровый украинец. Пойдем, говорит, арбузов наберем. Взяли вещмешок. Уложили арбузы в кучу, думаем – потом соберем. Он в одну сторону пошел, я в другую. А темновато было, мы с фонариками. Я подхожу к кучке с арбузами, говорю: «Петро, ты что?». А в ответ бу-бу-бу по-немецки. Мы его сгребли – и в часть. Как это он на наши арбузы набрел? Так в тот раз мы и «языка» взяли, и арбузов принесли.

Конечно, бывало и так, когда до смерти – четыре шага. В Прибалтике нужно было узнать, где оборона противника. За нами небольшой арьергард, стрелковый отряд. Август, сосновый лес, сушь. На окраине – хатка. Подходим – старичок. Спрашиваем у него, где немцы. Он отвечает, что, мол, ушли. Смотрим, дорога грунтовая заминирована. Но мы умели разминировать. Взрыватели вытаскиваем и потихоньку про-



двигаемся. Взошли на подъем перед рекой. Вдруг Валентин Сычугов товарищ мой, с ним мы часто ходили в разведку, говорит: «Мы на мушке у немцев». Они были от нас метрах в семидесяти. Я говорю: «Спокойно, все стоим». Мы с собой всегда брали противотанковую гранату, пистолет, финку, автомат. Делаем вид, что не замечаем, что немцы нас обнаружили. Я бросаю противотанковую гранату, и мы разбегаемся в разные стороны. Наблюдаю, сколько их. С кустика пыль стряхнул, а пуля «вжик» – совсем рядом пролетела. «Валентин, – говорю, – выползай, сообщай нашим координаты, где немцы, пусть обстреливают». Наши пару пушек развернули, и по этому месту пальнули. Вернулись к домику, где встретили дедушку, его и след простыл. Это Литва.

Было у нас двое воспитанников. В городе Шахты пристал к нам Юрий Карелин. Написали матери письмо, чтоб не беспокоилась. Ему было 15 лет, а он уже был награжден орденом Славы III степени и «Звезду» получил.

А на «гражданке» – финансы

– Навоевался я, наслужился – и домой. Демобилизовался в 1947 году. Вернулся с фронта с женой. Познакомились мы с Марией в Калужской области, она в Сухиничах медиком работала. Мы там трое суток с эшелоном стояли. Как приехали в Тару, стали родительский дом перекатывать. Начал работать в Тарском отделе социального обеспечения старшим инспектором. Потом меня направили в районный финансовый отдел. Говорю: «Да я на счетах еще не научился считать как следует». Но согласился, потому что получал тогда 530 рублей, а на новом месте предложили 790. А у меня тогда одна шинель была да у жены три платья. Так с ноября 1948 года началась моя трудовая финансовая деятельность, на которой я проработал 40 лет. Старший налоговый инспектор, заведующий районным финансовым отделом, потом заместитель председателя Большеречен-ского райисполкома, председатель Крутинского райисполкома. В последнее время работал заместителем начальника финансового управления облисполкома и начальником отдела государственных доходов. Когда стала формироваться налоговая инспекция, мне предложили ее возглавить. Но в то время я от ветеранской организации был народным депутатом СССР, к тому же возраст, и я перешел работать старшим специалистом налоговой инспекции области. И так до 74 лет.

– Илья Иванович, а сколько у вас детей?

– Две дочери. У старшей, Ларисы, в молодости муж попал под машину. Она так и осталась с дочкой Катей жить с нами. Внучке недавно квартиру приобрели. Катя – экономист, окончила с красным дипломом СибАДИ, по стопам деда пошла. Младшая дочь, Светлана, преподаватель математики, перешла работать в органы милиции, зять тоже там работал. Дослужились до подполковников, сейчас на пенсии. Внук Славик и правнук Илья живут в Новосибирске. У внучки Маши тоже уже есть дочка Светланушка.

– Сколько наград у вас!

– Три ордена Славы, два ордена Отечественной войны, медаль «За отвагу». В мирное время был награжден орденом «Знак Почета» и двумя медалями «За трудовую доблесть». И еще юбилейные медали, всего около двадцати наград. Начинал работать с незаконченным средним образованием. Сначала окончил заочно Омский финансовый техникум, потом Московский финансово-экономический институт. Госэкзамены сдавал уже в должности председателя райисполкома, мне тогда уже около 40 лет было. Вот так-то...

– Илья Иванович, как вы думаете, в чем секрет вашего долголетия?

– Прежде всего этим я обязан родителям, они свои гены мне передали. И по дороге жизни я их сохранял. Человек появляется на свет для того, чтобы от рождения до смерти свое предназначение исполнить.

– А какие годы были самыми счастливыми?

– Я не кабинетный работник. Учился у людей и набирался опыта. Мы хорошо отработали систему, планы по доходам в бюджет перевыполнялись. Парк Победы был за счет областного бюджета построен. Цветное телевидение тоже за счет облбюджета финансировали. Даже один год переходящее Красное знамя привозил нам сам министр финансов из Москвы. Бюджет надо уметь хорошо согласовать, особенно по доходам. Расходы все просят, а доходами занимаются финансисты. Вот вы говорите – счастье, счастье... А счастье-то в руки не возьмешь, его надо создавать. Я начал с семи годков работать, копны возил в колхозе. У нас в семье пятеро детей было. Студентом кочегаром на пароходе плавал. И вагоны разгружали, и шпалы с барж. Бывало, рыбу разгружаем, ящики по 100 килограммов, а у самого-то вес какой! Так и жили... Когда приносишь пользу людям, когда к ним с добром – это и есть счастье и для себя, и для людей. Мы с отцом после войны лес заготовили, сплавили, сруб срубили, собрали, только крышу нанимали делать. А так все сами. В Большеречье переехали, дали домик – комната да кухонька. Под видом капитального ремонта новый дом отстроили. В Крутинке опять пришлось домики сборные ставить. Иногда замечаю за собой, что проблемы сам себе создаю. А сейчас в свободное время книги люблю читать. Когда ремонт в квартире затеяли, 200 томов подарили детскому дому, 200 – школе, где внучка училась.

– У вас так уютно в квартире, только жить в ней да отдыхать.

– Сейчас у меня проблемы с позвоночником. И утро начинается с физзарядки, минимум полчаса занимаюсь, начинаю упражнения с пальчиков. И мне это помогает. Раньше, бывало, зимой утром километров десять дам. И в санатории – на лыжи, и в хвойный лес, 15 километров туда и обратно. Это хорошая разрядка. А когда с зятем дачу построили, надевал ласты – и на середину Иртыша, и напротив своей аллеи выплывал.

В мае 45-го

– А как вы День Победы встретили?

– На берегу Балтийского моря. Наша разведрота размещалась в барском доме. Накануне случайно нашел фотоаппарат, наснимал своих разведчиков. Нашел проявитель, закрепитель и печатал снимки. Где-то в четыре утра поднимается ко мне дневальный и говорит, что звонили из штаба дивизии, сказали, что война закончилась. Говорю ему: «Ну и что?». У меня сначала это известие не ассоциировалось с действительностью. Так долго ждали этот день! А потом я выскочил, кричу: «Что ты молчишь! Поднимай роту в тревогу!» – Мы все выскочили на улицу, а там уже фейерверк из всех видов оружия! И мы из своих автоматов тоже все диски выпустили. Войне конец! А днем стали стол накрывать. С ноября 1942 года у нас разведрота была по штату большая, около 200 человек. Потом ее сократили до 70 разведчиков. А Победу встретили из тех двух сотен только три человека. День Победы – великий праздник. Я был на трех Парадах в Москве. Первый раз в 1985 году нас готовили недели три. Я шел в 3-й шеренге, старшим правофланговым.

...Есть у Ильи Ивановича Зубова и особая память о войне. Остался в груди от первого ранения осколок. Не заметили его военные хирурги, недоглядели. И только спустя 12 лет после войны его случайно обнаружили на рентгеновском снимке.

– У вас в груди инородное тело, – доложили врачи.

Понятное дело, запаниковал Илья Иванович. Но главный хирург области посмотрел, подумал. Осколок небольшой и в капсуле. Не вскрывать же грудную клетку из-за него.

Так с 7 марта 1942 года и стучит сердце ветерана рядом с кусочком металла. Вот такая у разведчика Зубова память о войне.

Татьяна МИНАЕВА.
ФОТО АЛЕКСЕЯ ОЗЕРОВА
И ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА.